

А. М. Некрич

НАКАЗАННЫЕ НАРОДЫ

Александр Моисеевич Некрич

Наказанные народы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28506999

Наказанные народы / Александр Некрич: Лекстор; Москва; 2018

ISBN 978-5-906122-46-9

Аннотация

Каждая, даже самая незначительная, мера, поощряющая шовинизм и вызывающая неизбежно национальное отчуждение, производит в здании многонационального государства пусть едва заметные, микроскопические, но трещины. Когда же их накопится слишком много, они могут вызвать внезапную катастрофу. Одной из таких катастроф и было насильственное поголовное переселение народов в 40-х годах. Ощущение этой катастрофы еще свежо и до сих пор во многих областях, но особенно в сфере нравственной. Потребуется еще многие годы и значительные усилия, чтобы залечить эту рану. А ведь она у нас не единственная...

Содержание

От автора	4
Введение	7
Глава I	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Некрич

Наказанные народы

От автора

Книга «Наказанные народы» была завершена мною весной 1975 г. Летом того же года первый экземпляр рукописи был вывезен одним моим зарубежным другом на Запад. Я сделал это, так как никаких шансов на опубликование этой моей работы в Советском Союзе не было. Впрочем, не было их и для других моих основных работ.

Последние десять лет для меня была установлена негласная квота: по одной статье в год в малотиражных академических изданиях. Даже исследования, выполненные по плану Института всеобщей истории Академии наук СССР, в котором я практически проработал все послевоенные годы, не публиковались, хотя и были утверждены к печати Ученым советом Института. Фактически я получал заработную плату старшего научного сотрудника, доктора исторических наук за молчание.

Я был подвергнут ostracismu за свою книгу «1941. 22 июня», опубликованную в 1965 г. в Москве издательством «Наука» и переведенную и изданную затем во многих странах Европы и в США.

В июне 1967 г. за отказ признать «ошибки» Комиссия партийного контроля при ЦК КПСС под председательством члена Политбюро А. Пельше исключила меня из партии. В августе 1967 г. по распоряжению властей моя книга была изъята из всех библиотек Советского Союза, в которых не было так называемого специального хранения, и уничтожена. С того времени мои профессиональные возможности историка были сужены до предела. Мои попытки разорвать этот мистический круг в Советском Союзе окончились неудачей. Тогда я принял решение покинуть свою страну и сделал это в июне 1976 г.

Я хочу работать и видеть плоды своего труда, надеюсь, смогу свободно печатать на Западе свои произведения и, что не менее важно, и писать свободно, отказавшись раз и навсегда от самоцензуры и не опасаясь более цензуры власти.

Лондон, июль 1976 г.

* * *

В связи с выходом в свет русского издания «Наказанных народов» сердечно благодарю тех моих соотечественников, кто поделился со мной своими материалами и воспоминаниями, читал мою рукопись и сделал немало полезных замечаний. Надеюсь, что придет время, когда я смогу назвать их по именам. Теперь же я хочу выразить свою благодарность Ми-

хаилу Бернштаму за внимательное и критическое прочтение рукописи.

Неоценимую услугу оказал мне мой первый западный читатель, норвежский журналист и историк, доктор Нильс Мортен Угард. Прошу его принять мою глубокую признательность.

Дружеская поддержка изданию моей рукописи была оказана профессорами Леонардом Шапиро и Питером Реддавеем (Лондонская школа экономических наук), профессором Алеком Невом (университет Глазго), профессором Лео Лабешом (Лондон), профессором Эдвардом Кинаном (Гарвардский университет), профессором Робертом Такером (Принстонский университет). Рукопись была также прочитана профессором Деннисом Огденом (Лондон) и Марио Корти (Милан).

Работа над рукописью была завершена мною в Русском исследовательском центре Гарвардского университета.

Вся редакционная работа по русскому изданию была тщательно выполнена сотрудниками «Хроники-пресс».

Прошу всех перечисленных выше лиц принять мою душевную благодарность.

Бельмонт (США), 28 октября 1977 г.

Введение

Был май 1944 г., и мне было 24 года. Я служил в политическом отделе 2-й Гвардейской армии. Наши войска освобождали Крым. Так я и оказался после жарких севастопольских боев в небольшом курортном городке на Черноморском побережье, в Евпатории.

Я стоял у здания театра, где заседал партийный актив города, поджидая нужного человека. У меня было задание командования наладить работу городской комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских оккупантов.

Двери театра распахнулись, и в них появился темноволосый стройный председатель городского совета К. «Как дела?» – задаю ему обычный вопрос, который не требует ответа. Однако ответ следует, и для меня весьма загадочный: «Готовимся к решающему дню». Киваю головой, просто так, из вежливости. На самом деле и предположить не могу, что он имеет в виду. А ведь в этот момент, должно быть, и началась эта книга...

Едва завязался разговор, как из дверей театра вышел незнакомый генерал-полковник. «Кто это?» – «Это Кобулов, заместитель Берия», – почему-то понизив голос, отвечает мой собеседник. К. уезжает. Нахожу нужного человека, и мы отправляемся по нашим делам.

На следующий день или, может быть, двумя днями позже

я возвратился в политотдел в г. Саки. Какая-то необычная напряженность царит повсюду. Приятель говорит: «Сегодня ночью вывозили татар, всех поголовно. Мужчины пока заперты в здании военкомата». Иду мимо здания военкомата, задерживаюсь на минуту. Сквозь запертые двери доносится чья-то быстрая горячая речь на незнакомом языке...

...Сегодня мне нужно мысленно возвратиться в прошлое. Изучение его – моя специальность. Ведь я профессиональный историк.

* * *

Никто – ни народ, ни руководство государства – не предполагал, что война начнется для СССР столь несчастливо. Психологическая подготовка была нацелена не только на победоносное начало, но и на войну на территории врага. Отзвуком этого настроения были широко распространившиеся в первый вечер войны в Москве слухи, будто советские войска штурмуют Кенигсберг.

Тем горше, тем тяжелее оказалась правда: после ожесточенных приграничных сражений, начавшихся на рассвете 22 июня 1941 г., советский фронт был взломан, и гитлеровские войска, вбивая глубокие клинья и оставляя в своем тылу уже изрядно потрепанные и лишенные стратегического руководства советские армии, быстро продвигались в глубь страны. 28 июня был занят Минск, в сентябре разыгралось сражение

под Киевом, в октябре фашистские армии стояли под Москвой и под Ленинградом, овладели Таврией и стучались в ворота Крыма.

За три месяца войны советские вооруженные силы потеряли несколько миллионов человек.

Героическая вооруженная борьба бойцов и командиров Красной армии, отдельных ее частей и даже соединений не могла сдержать натиска врага.

Население оставляемых советских территорий сначала со слезами на глазах провожало отступающие части Красной армии, а вскоре с ужасом увидело бесконечные колонны советских солдат, бредущих в плен. Гитлеровцы захватили в 1941 г. 3–4 миллиона пленных. Их загоняли в наспех сколоченные лагеря, где они, лишенные пищи, воды, подвергаемые унижениям и издевательствам со стороны охраны, погибали. Десятки тысяч военнопленных просто расстреливались гитлеровцами.

А. Даллин сообщает, что до мая 1944 г. погибло в гитлеровских лагерях 1981 тыс. военнопленных. Кроме того, около 1241 тыс. было уничтожено¹.

Растерянность и смятение советского военно-политического руководства усугубились фактическим дезертирством И. В. Сталина, который в первые дни войны заперся на своей даче и фактически устранился от руководства. По счастью,

¹ Dallin Alexander. German Rule in Russia 1941–1945. A Study of Occupation Policies. London, 1957. P. 427.

в стране об этом никто не знал...

Силой обстоятельств войны в самые первые дни ее и недели в оккупированных врагом областях и республиках Советского Союза начала складываться новая психологическая атмосфера. Чем дальше уходила война на восток, тем безнадежнее казалось в 1941 г. положение для населения, попавшего под вражеский сапог. Пока еще не было партизанского движения, оно где-то зарождалось из разрозненных групп, пробивавшихся из окружения да застрявших в глубоком вражеском тылу, не приступили еще к активным действиям подпольные и диверсионные группы. Пришел враг. Уже рыскали «айнзатцкоманды», разыскивая для уничтожения евреев, коммунистов и их семьи. На базарных площадях, на стенах домов, на заборах белели листки с приказами новой, немецкой, власти, да кое-где уже появились багрово-черные плакаты с изображением человека с прилизанными волосами и чарличаплиновскими усиками, и под плакатом подпись: «Гитлер – освободитель».

С первых дней оккупации немцы начали формировать свой аппарат управления, состоявший в городах из бургомистров и их заместителей, начальников полиции, местных полицейских. В деревнях назначались старосты. В ряде местностей происходила вербовка местного населения в «отряды самообороны», а позднее начали вербовать и «добровольцев» для обслуживания тылов германской армии, а затем и для участия в карательных действиях против партизан и во

фронтовых операциях.

Никому из историков пока не удалось добраться до архивных материалов, которые дали бы возможность составить четкое представление о советских гражданах, поступивших на службу в гитлеровский оккупационный аппарат, выяснить их социальную характеристику. По тем скудным данным, которые были опубликованы в связи с происходившими в разных местах СССР процессами над военными преступниками, можно выделить такие категории: лица, осужденные в разное время советской властью, уголовники, асоциальные элементы, дезертиры и перебежчики. Лица, враждебные советской власти по своим политическим убеждениям. Среди них видное место занимали сторонники отделения от СССР Украины, Белоруссии, восточных и южных окраин, прибалтийских стран. Они надеялись при помощи гитлеровской Германии достичь своих целей. Значительную прослойку, по-видимому, составляли лица безо всяких политических убеждений, конформисты в прошлом, готовые служить любой власти. Кроме них были просто растерявшиеся, деморализованные поражениями Красной армии, утратившие веру в победу.

Из таких-то людей и комплектовался местный аппарат, в том числе местные полицейские силы.

Отдельно следует сказать о военнопленных. Они находились в ужасающих, нечеловеческих условиях, перед которыми условия, в которых жили военнопленные западных стран,

особенно американцы и англичане, можно было бы назвать вполне удовлетворительными. Положение советских военнопленных осложнялось еще и тем, что их собственное правительство фактически отказалось от них, бросив их на произвол судьбы. Об этом военнопленным непрестанно твердили и их мучители и вербовщики.

Для многих военнопленных стоял вопрос о выборе между жизнью и смертью: погибнуть ли за колючей проволокой в немецком концлагере или, изменив присяге, своему народу, всей своей привычной прошлой жизни, записаться «добровольцем». Многие из тех, кто так поступил, рассчитывали при благоприятном случае возвратиться к своим, в Красную армию. Но немногим это удалось.

...На Маныче зимой 1943 г. увидел я впервые наших бывших солдат, одетых в зеленую немецкую форму. Я спросил одного, потом другого: «Как же вы, ребята?..» И жаль их было, и смотреть на них мне было неприятно. Молчали они, глядели в землю, по сторонам, а потом один из них взглянул на меня с таким неприкрытым отчаянием, что сердце сжалось. И вот что он мне рассказал: в 1941 г. попал солдат в плен. Пригнали пленных в Овруч, в лагерь. И там началось: немецкая охрана, украинские полицаи (трудно сказать, кто из них больше зверствовал), голод и побои, побои и голод, и вербовщики – не немецкие, а свои, русские и украинские – обещают сытую жизнь. «Здесь ты все равно подохнешь, как собака». Долго крепился, а летом 1942 г. не выдержал. Надел

немецкую форму, но надеялся сбежать при первом удобном случае. Такой случай не представился. Немецкое командование держало их батальон в тылу и лишь при отступлении заставило его прикрывать отход немецких частей. Как только немецкие солдаты ушли, многие побросали оружие... Так он и очутился у своих. Не знаю, что случилось с ним. Но его отчаянный взгляд, без надежды, без будущего, навсегда врезался мне в память...

Гитлер был категорически против формирования подсобных или фронтовых воинских частей из числа русских. Он не доверял им, ненавидел и боялся. Русские должны были быть уничтожены десятками миллионов, а оставшиеся стать рабами рейха. Фюрер был также против поддержки украинских националистов и вообще относился к национализму завоеванных народов отрицательно, рассматривая националистов как потенциальных врагов рейха. Однако на практике гитлеровское командование охотно использовало националистов в своих целях. Например, на Украине руководители националистов Степан Бандера и Андрей Мельник были использованы для создания на местах «отрядов самообороны» для борьбы с партизанами, из числа их также комплектовалась охрана концлагерей, полиция в городах, «айнзатцкоманды» и пр. В то же время гитлеровцы решительно пресекали всякую попытку «самостийщиков» создать собственную власть. Конкурирующие «правительства» Бандеры во Львове и Мельника в Киеве были разогнаны немцами, а

сами руководители попали под арест. Позднее часть бандеровцев вела вооруженную борьбу и против Красной армии и советских партизан, и против немецкой армии. По немецким данным, отряды «самообороны» на Украине достигали внушительной цифры – 180 тыс. чел.² к середине 1942 г.

В августе 1941 г. на сторону врага перешел майор Советской армии Кононов. Он увлек за собой часть личного состава 436 пехотного полка.

Кононову, донскому казаку по происхождению, было разрешено сформировать казачий кавалерийский полк, численность которого достигла 1799 рядовых и 77 офицеров. Гитлер дал согласие на формирование казацких частей, поскольку ему было доложено, что казаки потомки не славян, а остготов (!)³.

Создание «отрядов самообороны» относится ко времени наибольших успехов вермахта (лето 1941 г. и лето 1942 г.).

Казацкие формирования были включены в состав вермахта. Летом 1942 г. при генштабе сухопутных сил германской армии был создан специальный отдел, занимающийся формированиями военных и вспомогательно-полицейских сил из числа советских граждан. К началу 1943 г. они насчитывали 176 батальонов и 38 рот, общей численностью в 130–150 тыс. чел. Подавляющее большинство из них образовало

² Littlejohn D. The Patriotic Traitors. History of Collaboration in German-Occupied Europe, 1940–1945. New York, 1972. P. 301.

³ Ibid. P. 298.

т. н. Русскую освободительную армию (РОА) под командованием бывшего генерал-лейтенанта Красной армии генерала Власова. К концу войны РОА насчитывала до 300 тыс. чел.

Военные формирования вермахта из числа нерусских народов достигли к концу войны до 700 тыс. чел. Таким образом, общее число бывших советских граждан, выступивших с оружием в руках на стороне врага составило около 1 млн человек. Однако сколько из них в действительности воевало на стороне Германии, еще остается выяснить. Многие эти формирования вообще в боевых операциях не участвовали. Антинемецкие настроения в этих частях принимали не только форму дезертирства, но даже вооруженных выступлений против немцев.

Среди военных частей «восточных народов» были легионы и батальоны туркестанские (т. е. состоявшие из выходцев из Средней Азии), грузинские, армянские, тюркские, волжских татар, крымских татар, горские (т. с. сформированные из северокавказцев), калмыцкие и др.

Но разве можно поставить знак равенства между легионерами и населением той республики, откуда они были родом? Конечно же нет. Те, кто поднял оружие на свою родину, те, кто выступил в одном строю с гитлеровцами, поставили себя как бы вне общества.

С тех пор, как в августе – сентябре 1941 г. на восток страны проследовали эшелоны с немцами Поволжья, а их национальная государственность – Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья была упразднена, с того времени, как тем же скорбным путем потянулись в 1943–1944 гг. товарные поезда с калмыками, карачаевцами, чеченцами, ингушами, крымскими татарами, балкарцами, также лишенными родных очагов и имущества и своей автономии, прошло более 30 лет.

Немало лжи было наговорено об этих несчастных народах, которых заставили расплачиваться, всех до единого, будто бы за измену некоторой части своих соплеменников.

Во второй половине 50-х годов депортированные народы Северного Кавказа и калмыки были полностью реабилитированы государственной властью. Они возвратились на родные земли, веками обжитые их предками, их автономия была восстановлена.

Но колесница справедливости движется медленно в нашей стране, плетется еле-еле. По-прежнему живут вдали от своих исконных мест немцы Поволжья, которых сейчас насчитывается около двух миллионов, и татары Крыма, численностью до полумиллиона человек. А ведь формально санкции против них отменены, и они по закону могут про-

живать в любой местности Советского Союза, а следовательно, и в Крыму.

И теперь еще бытуют, особенно среди нынешнего населения Крыма, выдумки о якобы поголовном сотрудничестве крымско-татарского населения полуострова с немецкими оккупантами. Эта ложь распространяется и поддерживается заинтересованными группами и лицами, чтобы воспрепятствовать возвращению татар в Крым.

В свое время подобные же небылицы распространялись о немцах Поволжья, которые якобы укрывали при начале войны гитлеровских лазутчиков и диверсантов, и о чеченцах, ингушах и карачаевцах, которые якобы все, поголовно, служили проводниками у гитлеровцев во время их наступления на Кавказ в 1942 г., и о балкарцах, будто бы переметнувшихся на сторону врага. Для доказательства этого много лет спекулировали на том, что из Балкарии был послан Гитлеру в подарок белый конь. И этот факт потом уже раздувался и разрастался неимоверным усердием чиновников во всякого рода канцеляриях на разных уровнях, что казалось, что не один-единственный белый конь, а целые табуны кавказских скакунов паслись и резвились на склонах гитлеровской резиденции в Бергхофе. Легенда эта, возможно, уже полузабыта и кое-как залечены раны, нанесенные народам Кавказа. А как быть с немцами Поволжья, с крымскими татарами? Где тот целитель, который вылечит глубокие нравственные раны, нанесенные многолетним изгнанием, и когда это изгна-

ние окончится?

До сих пор продолжаются грубые выпады против крымско-татарского народа.

В декабре 1973 г. в Симферополе судят крымских татар – не предателей, не изменников, не палачей и даже не из числа попавших под амнистию 1955 года, а просто трех взрослых людей, которые возвратились на свою историческую родину и пожелали там остаться. Народный судья, вершивший суд, некая Миронова, в своем выступлении потребовала, чтобы татары «убирались из Крыма» и жили там, куда их выслали, в противном случае к ним будут применены «самые жесткие меры»⁴. И это говорилось представителем судебной власти спустя шесть лет после Указа Президиума Верховного Совета, возвратившего татарам все их гражданские права и, следовательно, право жить на своей родине!

А почему были выселены на восток турки, курды, хемшилы⁵? Почему в 1944 году были выселены с Черноморского побережья греки, а вскоре после окончания войны из Армении несколько десятков тысяч армян? Ведь они не преподносили в подарок Гитлеру белого коня!

Можем ли мы сегодня ответить на вопрос о механизме принятия решения о судьбе целых народов: каким государ-

⁴ «Хроника текущих событий». Нью-Йорк, № 31, 1974. С. 123.

⁵ Хемшилы – это искаженное от хемшины, армяне-мусульмане, выходцы из Турецкой Армении, жившие на Черноморском побережье, в Аджарии. Их насчитывалось всего около 20 тысяч, а на территории СССР 7–8 тысяч.

ственным органом, на основании чьих докладов или докладных, какую роль в принятии решений играли местные власти, военные органы, учреждения государственной безопасности? Думаю, что ответ будет пока что самым приближенным. Кто персонально несет ответственность за эти преступления? Лично Сталин, лично Берия, лично Икс, Игрек, Зет?

Заметим в скобках, что нигде механизм принятия решений не окружен столь непроницаемой тайной, как в нашем государстве, и нигде невидимая система круговой поруки, молчаливого взаимопонимания, господства условных символов, формулировок не носит столь изощренного характера. Неписанные законы аппаратной работы, под покровом которых вырабатываются и издаются инструкции и указания, анонимность их авторства для широкой общественности не только надежно прикрывают промахи, ошибки, а когда необходимо, и преступления, но и служат препятствием для всякого объективного исследования или расследования.

Давно пришло время взглянуть на это несчастливое и позорное наше недавнее прошлое глазами историка. Эта тема не фигурирует, разумеется, ни в одном из планов научно-исследовательских работ Академии наук СССР. Я ее выполняю на свой собственный страх и риск, так как на разработку проблем, связанных с произволом и беззаконием, в нашей стране существует негласный запрет. Естественно поэтому, что и о депортации народов нет опубликованных работ советских авторов, во всяком случае нет работ обобщающего

характера.

Материалов же в архивах достаточно: несколькими десяткам историков, не то что одному, не было бы тесно. Но доступ к этим архивным материалам давно уже строго ограничен. Мне, например, и мечтать не приходится о работе в архивах, где можно найти данные, позволяющие судить о количестве лиц, сотрудничавших с врагом, об их социальном лице, о причинах, побудивших их к измене и сотрудничеству. Полагаю, что имеются и более или менее точные сведения о количестве депортированных в восточные районы страны, об оценке имущества, утраченного ими, о смертности и рождаемости в новых местах поселения, о тех судебных и внесудебных преследованиях, которые стали сопутствующими явлениями насильственного переселения.

Профессор Р. И. Музафаров обратился 14 апреля 1975 г. с просьбой к первому секретарю Крымского обкома партии Н. К. Кириченко разрешить пользоваться архивными материалами Крымского облпартархива, в чем ему было ранее отказано. В случае невозможности Музафаров просил, чтобы ему сообщили на основании архивных материалов некоторые данные об участии крымских татар в партизанском движении и в немецких воинских формированиях.

Музафаров получил следующий ответ. Воспроизводим его полностью.

№ 362

25 апреля 1975 г.

т. Музафарову Р. И.
Московская область
г. Климовск-1

ул. Заводская, 6-а, кв. 10

На Ваше письмо от 14 апреля 1975 года сообщаем, что обобщенными сведениями о количестве граждан татарской национальности, состоявших в партизанских отрядах, подпольных организациях и группах, в 152 добровольческом татарском батальоне, парт-архив не располагает. Вести об этом специальное исследование по документам у нас нет возможности.

Зав. партархивом обкома

Компартии Украины

/И. Кондранов/

бн. 3.

Итак, документы существуют, они не уничтожены, но и не опубликованы. Поэтому приходится по этой теме – о выселении народов Северного Кавказа и Крыма в конце Великой Отечественной войны – собирать материалы по крупицам.

Если вам повезет и вы все же получите доступ к архивным материалам, вы останетесь в неизвестности, все ли материалы вам показали. Девушка в архиве лучше вас знает, какие документы вам нужны для вашего исследования. Она вам их принесет сама, и, пожалуйста, не надо просить у нее описи документов. До чего просто и удобно!

Вы хотите знать, чья подпись стоит под документом? А зачем это вам? А вдруг это?.. А вдруг, чего доброго, это?..

И имейте, пожалуйста, в виду еще и следующее: были,

конечно, у нас в прошлом отдельные неполадки, отдельные негативные факты и даже акты беззакония. Но, право, зачем же обобщать?

Очень интересными представляются мне рукописи диссертаций, защищенных историками, работающими на Кавказе и в Калмыкии. С диссертациями можно ознакомиться во Всесоюзной публичной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве, в диссертационном зале. Многие из этих диссертаций были написаны и защищены в 60-х годах, когда под благотворным влиянием творческого духа в науке, пробудившегося после XX и XXII съездов КПСС и Всесоюзного совещания историков 1962 г., началось быстрое возрождение советской исторической науки, особенно в области истории СССР советского периода и новейшей истории Запада и Востока.

...Здесь я сначала написал: «Недолгий „золотой век“ советской исторической науки! И все же он оставил столь глубокий след, что его влияние ощущается и поныне».

Нет, увы, это не так. «Золотой век» не состоялся. Лишь едва-едва занялась заря возрождения, занялась, да вскоре померкла. И все же в конце 50-х и в начале 60-х годов историческая наука начала сбрасывать с себя путы, которые связывали ее в течение по крайней мере тридцати лет.

Тогда широко распахнулись двери архивов, особенно местных. Под влиянием и свежим впечатлением от недавно происшедшей реабилитации народов Кавказа и Калмыкии историки и партийные работники этих автономных рес-

публик попытались воссоздать картину участия депортированных народов в борьбе против гитлеровского фашизма во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и рассказать, хотя бы частично, о тех испытаниях, которые пришлось перенести их соотечественникам в жестокую пору депортации. Эти диссертации писались людьми, многие из которых были секретарями обкомов КПСС или занимали местные государственные посты, т. е. лицами, кровно связанными с коммунистической партией. Они принадлежали к привилегированной части нашего общества. У себя на родине они пользовались свободным доступом к архивам, а также и к архивам среднеазиатских республик и Казахстана, где в течение почти полутора десятка лет жили на поселении кавказцы и калмыки. Судя по диссертациям, в местных партийных архивах отложились документы не только местного, но более широкого значения, среди них инструкции о режиме для спецпереселенцев, материалы об их трудоустройстве, размещении, бытовых условиях, образовании и пр. Впервые упомянул о режиме спецпереселений, по-видимому, А. Х. Дудаев⁶. Наибольшее же значение приобре-

⁶ Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного знамени Государственный университет им. М. В. Ломоносова. Юридический факультет. Дудаев А. Х. Возникновение и основные этапы становления чечено-ингушской национальной советской государственности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1964. Рукопись. Библиотека им. В. И. Ленина (Москва). Регистр. № Дк 64–12 /125.

ла диссертация Х. И. Хутуева, защищенная годом позже⁷. Из этой диссертации черпали материалы все, кто занимался этой проблемой, включая Р. И. Музафарова и автора настоящей работы. А. Х. Дудаева и Х. И. Хутуева можно по праву назвать «первопроходцами». Х. И. Хутуев, известный историк и филолог из Кабардино-Балкарии, был секретарем обкома КПСС и заместителем председателя Совета министров Кабардино-Балкарской АССР.

Х. И. Хутуев использовал материалы партийных, государственных и ведомственных архивов Кабардино-Балкарской АССР, Казахстана, Киргизии, Министерства обороны СССР. Он собрал также ряд воспоминаний участников событий. Диссертация Х. И. Хутуева, несмотря на ее исключительную ценность, так и не была опубликована. Но ее основные положения появились в автореферате диссертации⁸.

Обстоятельные материалы по истории калмыков и Калмыцкой АССР содержатся в диссертации Д.-Ц. Д. Номинханова⁹. Среди источников, использованных Номинхановым,

⁷ Ростовский Государственный университет. Аспирант Х. И. Хутуев. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (восстановление автономии балкарского народа). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ростов-на-Дону, 1965. Рукопись. Библиотека им. В. И. Ленина. Регистр. № Дк 67-7 /513.

⁸ Хутуев Х. И. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Автореферат. Ростов-на-Дону, 1965.

⁹ Академия общественных наук при ЦК КПСС. Кафедра истории советского общества. Номинханов Д.-Ц. Д. Культурное строительство в советской Калмыкии (1917–1967 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата историче-

документы Центрального партийного архива ИМИ при ЦК КПСС. Частично материалы диссертации Номинханова были опубликованы в ряде его работ¹⁰.

Обращает на себя внимание диссертация С. Н. Джугурьянца¹¹. Он разыскал интереснейшие документы в архиве Чечено-Ингушского обкома КПСС. В сокращенном варианте работа С. Н. Джугурьянца увидела свет за год до защиты им диссертации¹².

Истории Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны посвятил свою диссертацию Ч. С. Кулаев¹³. Он довольно основательно использовал материалы по спецпереселению, содержащиеся в работе Х. И. Хутуева. Кулаев

ских наук. М., 1967. Рукопись. Библиотека им. В. И. Ленина (Москва). Регистр № Дк 65-7 /498.

¹⁰ Номинханов Д.-Ц. Д. В единой семье. Элиста, 1967. Его же – Очерки по истории культуры калмыцкого народа. Элиста, 1969.

¹¹ Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина. Кафедра истории КПСС. Джугурьянец С. Н. Деятельность Чечено-Ингушской партийной организации по осуществлению ленинской национальной политики на основе решений XX и XXII съездов КПСС (1956–1965). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Махачкала, 1966. Рукопись. Библиотека им. В. И. Ленина (Москва). Регистр. № Дк 66-7 /636.

¹² Джугурьянец С. Н. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии на основе решений XX съезда КПСС. Грозный, 1965 г.

¹³ Воронежский государственный университет им. Ленинского комсомола. Кулаев Ч. С. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 1968. Рукопись. Библиотека им. В. И. Ленина (Москва). Регистр. № Дк 68-7 /328.

ссылается также на местные, карачаевские архивы, архивы среднеазиатских республик и Казахстана и на архивы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве. К сожалению, Ч. С. Кулаев обходит вопрос о сотрудничестве части карачаевского населения с оккупантами. Расширяет круг наших знаний о Карачае, особенно в период восстановления автономии, диссертация М. М. Бекижева¹⁴.

Перед Х. И. Хутуевым, как и перед другими историками из восстановленных автономных республик и областей, стояла практическая задача опровержения измышлений о поголовном сотрудничестве их народов с гитлеровскими оккупантами и раскрытия на фактах участия их в общей борьбе против гитлеровской Германии.

Долгое время спустя после возвращения наказанных народов домой в печати продолжали появляться то измышления, то односторонне освещалось их поведение во время войны. Один из диссертантов, калмыцкий историк М. Л. Кичиков¹⁵, пишет, что толчком к организации работы по изуче-

¹⁴ Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Кафедра истории КПСС. Бекижев М. М. Партийное руководство культурным строительством в Карачаево-Черкесии (1920–1967 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пятигорск, 1969. Рукопись. Библиотека им. В. И. Ленина (Москва). Регистр. № Дк70-7 /266.

¹⁵ Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. А. А. Жданова. Кичиков М. Л. Советская Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Специальность № 07571. История СССР. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ленинград, 1972. Рукопись. Библиотека им. В. И. Ленина (Москва). Ре-

нию истории Калмыкии в годы 1941–1945 послужила опубликованная в 1963 г. в газете «Советская Калмыкия» статья некоего А. Сербина «Двадцать лет назад. Следы ведут на Запад». В этой статье, по словам М. Л. Кичикова, содержалась «односторонняя подача негативных фактов»; статья «встревожила калмыцкое население республики, пострадавшее из-за отщепенцев во времена культа личности». Против статьи посыпались протесты ветеранов войны. В результате Научно-исследовательскому институту при Совете министров Калмыцкой АССР было поручено подготовить сборник документов, освещающий события войны в Калмыкии (об этом сборнике ниже). Справедливость требует отметить, что не все историки обходят проблему оккупации и связанного с ней сотрудничества с врагом. Кичиков, например, занимался выяснением обстоятельств, приведших к оккупации части территории Калмыцкой АССР немецко-фашистскими армиями, он опубликовал материалы о борьбе с оккупантами основной части населения республики. Под руководством М. Л. Кичикова был подготовлен и издан очень важный сборник документов¹⁶. Собраны и опубликованы воспоминания участников вооруженной борьбы с гитлеровцами¹⁷.

гистр. № Дк 74-7 /111.

¹⁶ Калмыкия в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. Документы и материалы. Элиста, 1966.

¹⁷ «В боях за Дон». Воспоминания воинов 110 Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Составитель и научный редактор М. Л. Кичиков. Элиста, 1969; «В боях за Северный Кавказ». Воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыц-

В 1972 г. М. Л. Кичиков защитил в Ленинградском университете свою докторскую диссертацию¹⁸. Среди материалов его диссертации особенно важны документы Калмыцкого обкома ВКП (б) периода 1941–1943 гг. Эти документы, несмотря на их явную избирательность, дают достаточно ясное представление о положении в Калмыкии и проливают свет на события, непосредственно предшествовавшие выселению калмыков. Большая часть этих документов не попала в книгу М. Л. Кичикова, изданную в Элисте¹⁹.

К. Л. Коркмасова в своей очень интересной докторской диссертации поместила всю проблему насильственного выселения народов Кавказа в сноску²⁰.

Кое-какие сведения о событиях 1942–43 гг. и более позднего времени по истории народов Северного Кавказа и

кой кавалерийской дивизии. Составитель и научный редактор М. Л. Кичиков. Элиста, 1973.

¹⁸ Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. А. А. Жданова. Кичиков М. Л. Советская Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Специальность № 07571. История СССР. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Ленинград.

¹⁹ Кичиков М. Л. Во имя победы над фашизмом. Очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 1970.

²⁰ Ростовский государственный университет. Кафедра государственного и международного права. Коркмасова К. Д. Национальная государственность в СССР (основные государственно-правовые проблемы). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Ростов-на-Дону, 1971. Рукопись. Библиотека им. В. И. Ленина (Москва). Регистр. № 73–12 /36.

Калмыкии можно почерпнуть в ряде обобщающих работ²¹. Сравнение статистических данных за предвоенный, военный и послевоенный периоды, извлеченные из официальных статистических сборников, позволяет выяснить динамику движения населения Кавказа и Калмыкии, изменения в области образования, экономики и пр.²²

Немалый интерес вызывают работы по истории Северного Кавказа, принадлежащие историку из г. Грозного В. И. Филькину – секретарю Чечено-Ингушского обкома

²¹ Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, 1917–1970 годы. Т. II. Грозный, 1972; История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Т. 2. М., 1967; Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС. Нальчик, 1971; Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970.

²² Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР. Статистический сборник. Нальчик, 1957; Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1964; 50 лет Кабардино-Балкарской АССР. Статистический сборник. Нальчик, 1971; Справочник по народному хозяйству и культуре Карачаевской автономной области. Пятигорск, 1939; Советский Карачай, 1920–1940. Микояншахар, 1940; Народное хозяйство Чечено-Ингушской АССР. Статистический сборник. Грозный, 1957; Народное хозяйство Чечено-Ингушской АССР. Статистический сборник. Грозный, 1963; Народное хозяйство Калмыцкой АССР. Статистический сборник. Элиста, 1960; Калмыцкая АССР за 50 лет Советской власти. Статистический сборник. Элиста, 1967; Сулькевич С. Территория и население СССР. М., 1940; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. в СССР. Сводный том. М., 1962; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Киргизская ССР. М., 1963; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. М., 1962; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. М., 1962; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963; Население СССР. Справочник. М., 1974.

КПСС в прошлом, бывшему заведующему кафедрой истории КПСС Грозненского нефтяного института, а ныне доценту той же кафедры. Многочисленные работы В. И. Филькина основаны, как правило, на глубоком изучении архивных документов, прежде всего партархива Чечено-Ингушского обкома КПСС. Среди множества работ В. И. Филькина для нас наибольший интерес представили непосредственно связанные с историей Чечено-Ингушской АССР в 1939–1945 гг.²³ В. И. Филькину свойствен спокойный и трезвый подход к событиям прошлого. Он старается исследовать основные проблемы в многоплановом аспекте. Его отличает стремление к объективности (насколько таковая возможна в наших специфических условиях) в выводах.

Отдельно необходимо сказать о рукописи проф. Р. И. Музафарова²⁴ и о нем самом.

Р. И. Музафаров собрал колоссальный материал о крымских татарах в период Великой Отечественной войны, об их жизни и положении после выселения из Крыма и об анти-крымско-татарской пропаганде и политике в наше время. Свою рукопись Р. И. Музафаров направил осенью 1974 г. в ЦК КПСС в надежде, что после ознакомления с фактами,

²³ Филькин В. И. Партийная организация Чечено-Ингушетии в годы борьбы за упрочение и развитие социалистического общества (1937 – июнь 1941 гг.). Грозный, 1961; его же – Чечено-ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960.

²⁴ Музафаров Р. И. Вдали от крымских гор. Анатомия депортации. Рукопись. М., 1974.

которые он собрал, крымским татарам разрешат возвратить-ся на свою историческую родину, в Крым. Увы, большого влияния его рукопись на положение крымских татар пока (май 1975 г.) не оказала: в кое-каких литературных произведениях смягчены отдельные фразы, в музеях Крыма убраны элементы экспозиций откровенно анти-крымско-татарского содержания, из путеводителей по Крыму последних изданий исчезла явная клевета на историческое прошлое крымско-татарского населения. Стремясь удержать крымских татар в Средней Азии, в последние годы там начали печатать литературу на крымско-татарском языке.

Любопытна судьба самого проф. Р. И. Музафарова. Он родился в 1928 г. в г. Симферополе, в семье хозяйственно-го служащего. Ему было 15 с половиной лет, когда он вместе со своими соплеменниками отправился в изгнание, на Урал. Семья Музафаровых была поселена в одном из лес-промхозов Свердловской области. Рефик стал разнорабо-чим. В 1946 г. ему удалось переехать в Узбекистан, где он приобрел квалификацию слесаря и начал работать на заво-де. В 1953 г. экстерном закончил среднюю школу, поступил на заочное отделение факультета русского языка и литера-туры Ташкентского педагогического института и параллель-но, также заочно, учился в техникуме культурно-просвети-тельской работы. Окончил оба учебных заведения, затем ра-ботал в Калуге. Экстерном он подготовил кандидатскую дис-сертацию на тему «Татарские народные пословицы» и защи-

тил ее в 1960 г. в Казанском государственном университете. Преподавал затем в высших учебных заведениях. В 1967 г. защитил докторскую диссертацию «Очерки фольклора тюрок» в г. Баку. Так Р. И. Музафаров стал доктором филологических наук. Его последующая преподавательская деятельность принесла ему звание профессора.

С 1957 г. Р. И. Музафаров – активный участник движения крымских татар за полную реабилитацию и возвращение в Крым. В 1967 г. движение добилось большого успеха – Указа Верховного Совета СССР, возвращавшего крымским татарам гражданские права. В 1972 г. проф. Р. И. Музафаров за свою общественную деятельность лишился работы. Газета «Труд» опубликовала о нем статью, пытаясь опорочить его с профессиональной точки зрения. С той поры и до осени 1975 года профессор доктор филологических наук Р. И. Музафаров был без постоянной работы. Тем не менее он продолжал научную деятельность. Помимо написанной им монографии Р. И. Музафаров составил русско-крымско-татарский и крымско-татарско-русский словари. Однако попытки напечатать эти словари не увенчались успехом. После многолетних мытарств проф. Музафаров получил в 1975 г. кафедру в Ташкентском областном педагогическом институте в Ангрене (Узбекистан). Не знаю, удержался ли он там.

Другим источником о крымских татарах послужили материалы крымско-татарского движения. Частично они были опубликованы в «Хронике текущих событий», изданной

на русском языке в Нью-Йорке²⁵. Материалы эти содержат много важных фактов, однако к цифровым данным, сообщаемым в этих материалах, следует отнестись критически. Точные, по возможности выверенные, данные о потерях, понесенных депортированными народами в СССР, достаточно красноречивы и без преувеличений.

Для этой книги, впрочем, как и для всех без исключения работ по истории советского общества, очень важны стенографические отчеты XX и XXII съездов КПСС²⁶. Ознакомление с ними необходимо не только для понимания нового курса в национальной политике СССР, т. е. восстановления «ленинских норм», но и для ощущения духа, атмосферы наступившей раскованности. Секретная речь Хрущева на XX съезде зачитывалась лишь на закрытых партийных собраниях, но опубликована в СССР не была. Она опубликована в приложении к «Мемуарам Хрущева»²⁷. Интересные материалы были обнаружены на страницах газет кавказских автономий и Крыма. Что касается центральной прессы, то результаты работы с ней по этой теме вряд ли соответствуют затраченному времени и усилиям. Тем не менее эта часть работы была совершенно необходима.

²⁵ «Хроника текущих событий». Нью-Йорк, № 31, 1974.

²⁶ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I–III. М., 1956; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I–III. М., 1962.

²⁷ Khrushchov Remembers. Boston-Toronto, 1970.

Об отношении официального партийного и советского руководства к депортации и последующему восстановлению автономии народов Кавказа и Калмыкии можно в определенных пределах судить по соответствующим указам, законам и материалам сессий Верховных Советов СССР и РСФСР, а также и по стенограммам заседаний Верховных Советов автономных республик²⁸.

Реабилитация северокавказцев и калмыков вызвала к жизни не только серию работ отдельных авторов по истории этих народов во время Отечественной войны, но и сборники документов, воспоминаний и пр. Основная задача всех этих публикаций заключалась в том, чтобы удостоверить преданность народов Северного Кавказа и калмыков советской власти, продемонстрировать их патриотизм, вклад в дело вооруженной борьбы против гитлеровской Германии. Почти во всех публикациях содержатся сведения о труде выселенных народов в местах поселения, но крайне скудно освещается

²⁸ Заседания Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР четвертого созыва (пятая сессия) 28–29 марта 1957 г. Стенографический отчет. Нальчик, 1957; Юбилейная сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, посвященная 40-летию окончательного утверждения Советской власти в Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1960; Заседания Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР второго созыва (первая сессия), 15–16 апреля 1958 г. Стенографический отчет. Грозный, 1958; Четвертая юбилейная сессия Верховного Совета Калмыцкой АССР, 2 ноября 1940 г. Стенографический отчет. Элиста, 1941 г.; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР второго созыва, первая сессия (28 октября 1958 года). Стенографический отчет. Элиста, 1958; Юбилейная сессия Верховного Совета Калмыцкой АССР, посвященная 40-летию установления Советской власти, 29 октября 1960 г. Стенографический отчет. Элиста, 1961.

их повседневная жизнь, и, конечно, ни одного слова не говорится о суровом режиме спец-поселения и о его последствиях. Другая особенность этих работ заключается в том, что в них опущены конкретные факты сотрудничества части населения с оккупантами.

По нашему мнению, это серьезная ошибка, так как умолчание помогает сохранению неверных представлений о якобы имевшей место измене народа в целом. В интересах самих этих народов, не говоря уже об исторической правде, был бы не уход от фактов, а спокойное и сбалансированное изучение проблем, возникших в связи с оккупацией этих районов.

Мы настолько были оболванены пустопорожней демагогией, что забыли о том, что ни один народ не может и не должен расплачиваться за преступления своих отдельных представителей или даже за преступления группового характера. С точки зрения права, суверенность народа, являющегося источником власти, снимает всякую возможность обвинения его в измене.

Но полно, в том ли дело, что мы *забыли* об этом? Не честнее ли сказать, что представления о законе и праве в нашем государстве настолько искажены, что мы сами не представляем себе по-настоящему, что означает на самом деле понятие права.

Да и возможно ли вообще такое явление, как депортация целых народов в государстве, где существуют правовые нор-

мы?

Кажется, за исключением М. Л. Кичикова, мало кто из советских историков серьезно занимался возникшей из немецкой оккупации ряда территорий СССР проблемой сотрудничества с врагом.

Между тем, огромная советская литература существует по истории партизанского движения на занятых фашистскими армиями советских территориях. Изданы и исследования, и воспоминания, и сборники документов. Не все они равноценны по составу документов, по качеству. Явно тенденциозный, анти-крымско-татарский характер носит сборник документов, посвященный Крыму²⁹. Об этом подробно рассказано в работе Р. И. Музафарова.

Получилось так, что все вопросы, связанные с проблемой сотрудничества с врагом, разрабатывались зарубежными историками. У них был свободный доступ к немецким документам самого разнообразного характера, от оперативных до архивов ведомств Розенберга и Гиммлера. Кроме того, западные историки собрали огромное количество свидетельств лиц, причастных к деятельности оккупационных властей на территории СССР. К их услугам любые архивные хранилища по любым проблемам.

Такого рода возможностей абсолютное большинство советских историков лишено. Лишь немногие из них, численно

²⁹ Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Симферополь, 1973.

незначительная привилегированная группа, получают служебные командировки для работы в зарубежных архивах, а о поездках в длительные научные командировки за свой счет и речи быть не может³⁰.

Волей-неволей приходится часто «плестись в хвосте» иностранных коллег, используя выявленные ими материалы в качестве источников. Такое недостойное, а часто унижительное положение советских историков, кажется, совсем не беспокоит их руководителей и руководство наукой вообще, которое, кстати, неустанно призывает нас бороться за первенство советской исторической науки и «давать отпор» буржуазным «фальсификаторам истории». Вся существующая сложная система допусков различной категории для работы в архивах, всевозможные ограничения в использовании выявленных документов, строгая цензура, часто убивающая свежую мысль, ограничения для профессиональных истори-

³⁰ Я, например, за 30 лет своей работы (включая занятия в аспирантуре) в Институте истории, а затем в Институте всеобщей истории Академии наук СССР ни разу не мог получить командировку для работы в иностранных архивах или для участия в международных конференциях или симпозиумах. Более того, даже для участия в симпозиуме с иностранными учеными на территории СССР далеко не всегда можно получить разрешение. В августе 1970 года мне было запрещено появляться на XII Международном конгрессе по историческим наукам, проходившим в Москве. Только после моего письменного протеста запрет был снят. Однако допущен на заседания конгресса я был лишь в качестве гостя. В апреле 1975 г. ряду советских историков было отказано в разрешении присутствовать (не то что выступать!) на советско-западногерманском симпозиуме по истории советско-германских отношений в период Веймарской республики. Среди тех, кто получил отказ в самой категорической форме, был и автор этой книги.

ков в выборе тем и, наконец, как следствие всего этого – самоограничение и самоцензура – резко сужают профессиональные возможности советских историков и препятствуют выполнению ими своего основного профессионального долга – служению правде истории.

Среди опубликованных на Западе работ сохранило свое значение вышедшее в 1957 году фундаментальное исследование американского историка Александра Даллина о немецкой оккупационной политике на территории СССР³¹.

Проблемой депортации в СССР много лет занимается английский ученый Роберт Конквест³². Он проделал большую работу по сбору и обобщению полученных на Западе материалов о депортации в СССР. Различным аспектам немецкой оккупационной политики на отдельных советских территориях посвящено немало книг и воспоминаний. Укажем, в частности, на монографию М. Лютера, выполненную в свое время в русском исследовательском центре Гарвардского университета под руководством проф. Ф. Мозли, на работы П. фон цур Мюлена, Д. Литтлджона, И. Гоффмана, мемуары Р. Гелена и книгу татарского националиста Эдиге Кирималы³³. По своим тенденциям работы эти совершен-

³¹ Dallin Alexander. German Rule in Russia, 1941–1945. A Study of Occupation Policies. London, 1957.

³² Conquest R. The Soviet Deportation of Nationalities. London, 1960.

³³ Luther M. Die Krim unter deutscher Besatzung im zweiten Weltkrieg. «Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte». Band 3. Berlin, 1956. S. 28–29; Patrik von zur Muehlen. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern.

но различны. Неблагоприятное впечатление оставляет книга Иоахима Гоффмана из Фрейбурга, подчиненная цели реабилитации гитлеровской политики и действий германских военных и карательных органов на оккупированной территории СССР.

Ряд материалов для этой работы был почерпнут из советских публикаций³⁴, материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками³⁵ и процессов по обвинению в преступлениях второстепенных деятелей третьего рейха³⁶, из документов дипломатического ведомства Германии³⁷ и из ряда других публикаций документов.

Многое для понимания обстановки, сложившейся на Северном Кавказе, дали мне беседы с людьми, хорошо осведомленными о событиях, описываемых в книге.

Der Nationalsozialismus der sowjetischen Orientvoelker im zweiten Weltkrieg. Duesseldorf, 1971; Littlejohn D. The Patriotic Traitors. History of Collaboration in German-occupied Europe, 1940–1945. New York, 1972; Hofman J. Deutsche und Kalmiken.

³⁴ Документы Министерства иностранных дел Германии. Выпуск II. Германская политика в Турции (1941–1943 гг.). М., 1946.

³⁵ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Vol. XXXVIII.

³⁶ Trials of War Criminals before the Nurenberg Military Tribunals under Control Council Low. № 10, vol. IV (Ohlendorf). Washington.

³⁷ Akten zur Deutschen auswaertigen Politik 1918–1945. Serie E, 1941–1945. B. I–II. Goettingen, 1969–1972.

Глава I

Оккупация Крыма и крымские татары

Немецкая оккупация территории Крымской автономной Советской Социалистической Республики была длительной, с конца октября 1941 г. по апрель – май 1944 г.

Крымская АССР была образована 18 октября 1921 г. в составе РСФСР.

Крым был присоединен к России в 1783 г. Наряду с карай-мами и крымчаками татары были самым многочисленным из этого древнего населения Крыма. Татары создали здесь самобытную культуру, построили города и селения, возделывали земли, развели виноградники и сады, пробили дороги. Татарское население, несмотря на преследования, которым оно время от времени подвергалось со стороны шовинистически настроенных царских чиновников, управляющих Крымом, проявляло себя вполне лояльно по отношению к русскому государству.

После революции и в годы Гражданской войны большая часть крымско-татарского населения поддержала советскую власть.

Накануне Второй мировой войны (1939 г.) население

Крыма насчитывало около 1127 тыс. жителей³⁸. Преобладающей национальной группой были русские, составлявшие примерно половину населения полуострова, четверть населения составляли татары, 10 % – украинцы, а остальные 15 % – немцы, евреи, греки, болгары, чехи, эстонцы, караимы, крымчаки и др. Это интернациональное сообщество жило довольно дружно в этом благодатном крае – среди гор, виноградников и в приморских городах. Вспышки национальных противоречий были редки. Относились они к тому времени, когда в Крыму было создано несколько колоний еврейских поселенцев, что вызвало недовольство части крымско-татарского населения, усмотревшего в этом угрозу землям, которые они считали своими.

Гитлеровские армии вошли в Крым 24 октября 1941 г. Весь Крымский полуостров, за исключением Севастополя, продержавшегося до июля 1942 г., и Керчи, павшей в мае того же года, попал в немецкую оккупацию.

Еще до нападения на СССР будущее Крыма неоднократно обсуждалось германским верховным руководством. Были две основные точки зрения: Альфреда Розенберга, главного теоретика НСДАП по «восточному вопросу», занявшего в 1941 г. пост имперского министра оккупированных восточных территорий, считавшего целесообразным присоединить Крым к Украине и создать вассальное украинское государство с центром в Киеве; и точка зрения самого фюрера-

³⁸ Сулькевич С. Население СССР. М., 1939. С. 30.

ра (и Гиммлера), заключающаяся в полном разрушении какой бы то ни было государственности на захваченной территории СССР. Поощрение национализма, будь то украинский или любой другой, противоречило бы планам создания Великой Германской империи. Что же касается Крыма, то на конференции 16 июля 1941 г. у Гитлера, в которой участвовали Розенберг, Кейтель, Геринг, Ламмерс и Борман, было решено считать Крым «имперской землей», присоединить его непосредственно к рейху и германизировать. Предусматривалось выселение из Крыма всех без исключения «национально-чуждых элементов» – русских, украинцев, татар³⁹

³⁹ IMT, vol. XXXVIII, Doc. 221-L. P. 87.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.